

П. В. Крылов

Кризис конца XIX в. и концепция истории «массовых идей» в творчестве Анхеля Ганивета

Больше 120 лет тому назад, 29 ноября 1898 г., в Риге, покончил с собой Анхель Ганивет, 32-летний дипломат, в последние годы своей жизни представлявший торговые интересы Испании на территории Российской империи. Скорбная годовщина не была замечена ни в Гельсингфорсе — первом месте дипломатической карьеры Ганивета, служившего там с 1895 по 1897 г., ни в Риге, где его останки, захороненные на кладбище католического прихода св. Михаила 3 декабря в присутствии лифляндского губернатора В. Д. Суровцева, покоились до начала 1925 г., пока не были отправлены на родину стараниями известного в пиренейской стране журналиста Энрике Домингеса Родиньо и торжественно перезахоронены 29 марта на городском кладбище Гранады.

Инициатор репатриации останков Ганивета стал репортером по воле случая. Находившийся летом 1914 г. по торговым делам в Гамбурге, он был отрезан от родины фронтами Первой мировой войны, но вместо того чтобы добираться домой окольными путями, он решил извлечь выгоду из своего положения, наладив сотрудничество с мадридской газетой «Вангвардия». Читателя привлекали его репортажи из оккупированных германскими и австрийскими войсками Бельгии и Сербии, польских и литовских земель Российской империи, Южного Тироля, а также из нейтральных Швеции и Швейцарии. После подписания Брестского мира Домингес Родиньо посетил Советскую Россию, чтобы своими глазами посмотреть на последствия революционного

1917 г. Проезжая на обратном пути через Ригу, автор уже получившей известность книги «Первые возгласы. Дневник свидетеля-летописца войны»¹ занялся поисками могилы соотечественника, посвятив его трагической судьбе несколько заметок в газете «Импарсьяль» (Неравнодушный): «Трагедия Ганивета», «Как умер Ганивет» и «Могила Ганивета»². Притом в первой статье он, по обыкновению охотника за жареными фактами, не отказывает себе в удовольствии поделиться с читателем непроверенными слухами о конфликте Ганивета с неким таинственным высокопоставленным русским чиновником, что якобы и стало настоящей причиной гибели недавно назначенного испанского консула. Одновременно он приводит цитаты из газет *Rigasche Rundschau* и *Düna-Zeitung*, вышедших в ноябре–декабре 1898 г., где известия о самоубийстве испанского дипломата соседствовали с репортажами о мирных переговорах в Париже, поставившими 10 декабря дипломатическую точку в испано-американской войне 1898 г. Новость о похоронах Ганивета, появившаяся на фоне рассуждений провинциальных газетчиков о том, что «сегодня Испания утратила свои мировые позиции, в то время как роль великой державы она потеряла намного раньше из-за внутренних противоборств и гражданских войн», намекала на оскорбление высоких патриотических чувств как на причину тяжелого нервного срыва, вызвавшего самоубийство³. Развивая тему переживаний Ганивета о судьбах Испании во второй статье, он переходит на патетический тон: «Слишком тесная материальная оболочка, удерживающая его гигантский дух. Чтобы они гармонировали друг с другом, он должен был бы обладать гигантским телом Геркулеса. Так и разорвались стропы ковчега»⁴. Наконец, в заключительной статье, оказавшейся уже на газетной передовице, Родиньо живописует свое посещение кладбища и обращается к читателям с горячим призывом перезахоронить Ганивета на родине, «ибо в этом сером одиночестве, где ностальгия является самым страшным из несчастий, он продолжает умирать от печали и холода»⁵. После возвращения его останков в Испанию единственным напоминанием о нем Риге осталась мемориальная доска на чудом сохранившемся деревянном доме, где в конце позапрошлого века помещалось испанское консульство. С начала XXI в. средства на ремонт дома стал выделять муниципалитет Гранады. Не вспомнили о скорбной дате в Финляндии, где Анхель Ганивет служил консулом с января 1896 по июнь 1898 г., откуда он «видел отсутствие внятного курса, которым бы следовала Испания в современном мире, и резюмировал диагноз в нескольких словах: отсутствие национальных идей»⁶. Его плохо помнят Хельсинки, где он написал свои «Финляндские письма»⁷, и Россия, где ему было посвящено лишь несколько небольших работ, включая статью А. А. Петровой «Взгляды испанских дипломатов второй половины XIX в. на развитие экономических отношений с Россией». Она содержит пересказ докладной записки А. Ганивета «Испания и Россия: новые торговые горизонты», отправленной из Риги 4 октября 1920 г. Опираясь на публикацию, осуществленную

К. С. Корконосенко⁸, автор включает его в число тех испанских дипломатов, кто «в последней четверти XIX в., рассматривая Россию прежде всего как обширный и перспективный рынок сбыта для испанской продукции (в основном сельскохозяйственной), вина и минерального сырья... подчеркивал необходимость более тщательного изучения российского потребительского рынка, рекламы испанских товаров в разных уголках России, расширения их ассортимента». Ганивет, по мысли А. А. Петровой, принадлежит к тем представителям Испании, для которых главным стимулирующим фактором международных отношений была торговля, главная задача состояла в создании новых «транспортных коридоров» в направлении балтийских и черноморских портов, а главная проблема заключалась в отсутствии прямых и равноправных договоров между странами⁹. В свою очередь, публикатор цитированной выше докладной записки основное внимание уделяет литературным талантам Ганивета, отразившимся и в его образном восприятии реалий Гельсингфорса, и в способах вписывания эпизодов из собственной биографии в утопическую повесть «Деяния неутомимого созидателя Пио Сиды»¹⁰. Отдав должное значению хельсинкского периода в художественном и публицистическом творчестве испанского дипломата, К. С. Корконосенко всё же предпочитает оставить в стороне его историко-философские представления. Наиболее ранняя из доступных автору этих строк работа биографического характера¹¹ была написана в 1992 г. А. И. Саплиным, специалистом по истории русско-испанских отношений в период наполеоновских войн. В дальнейшем он не обращался к фигуре А. Ганивета, фактически открыв его для русского читателя, отметив, какое значение для посмертной популяризации автора в качестве идейного и нравственного предтечи так называемого «поколения 98-го года» сыграл Мигель де Унамуно, превративший сведшего счеты с жизнью коллегу в символ величия и самопожертвования: «Знаете ли вы Ганивета? Это наиболее яркое явление, которое дала Испания конца XIX в. Он умер очень молодым... Он велик, причем не только для Испании, но и для любой нации»¹². И не вслед ли за Унамуно М. Ольмедо Морено утверждал, что «ужас 1898 года был не только предвосхищен, но и переварен его “Испанской идеологией”, написанной в 1896»¹³? Большое место в статье российского исследователя посвящено литературоведческому анализу романа «Завоевание королевства Майя» последним испанским конкистадором Пио Сидом», увидевшего свет в 1893 г., в котором, по некоторой странности, упускаются из вида исторические аллюзии, присутствующие уже в самом названии символистского произведения. Помещенные в Восточную Африку «майя» и главный герой, андалусийский адвокат, от скуки отправившийся в район озера Виктория, совсем не случайно носят имена, созвучные значимым именам испанской истории периодов Конкисты и Реконксты. Следовало бы также отметить, что ключевым периодом в работе над романом стало пребывание Ганивета на посту консула в Антверпене, с которого, собственно, и начиналась его дипломатическая карьера¹⁴.

Как показало исследование Луиса Шалона, формы и методы бельгийской колонизации Конго, о которых он составил себе представление за три года службы в бывших Испанских Нидерландах, вызвали в нем настолько сильное отторжение, что он не только высмеял их в своем романе, но и попытался нарисовать альтернативную картину того, как должны строиться отношения между европейцами и аборигенами¹⁵. Пример для подражания Ганивет находит в колонизации по-испански. Она «щедрая, бескорыстная и духовная», ее цель — «внушать любовь к высоким стремлениям, которые возвышают человеческое достоинство, вырывая человека из его невежественной самоуспокоенности, в которой он постоянно пребывает». Образцовый колонизатор берет на себя роль вождя и арбитра племен, живущих в круговороте насилия и суеверия. Он отменяет рабство и человеческие жертвоприношения. Он создает государственные институты и распространяет среди аборигенов навыки современной агрикультуры. Такие сопутствующие явления, как порох, алкоголь и деньги, — суть неизбежное меньшее зло, с которым приходится мириться, чтобы избежать зла большего¹⁶. Франсиско Гарсия Лорка видел в этой книге пародию на хроники испанских конкистадоров XVI в., подобную пародии Сервантеса на средневековый рыцарский роман¹⁷, однако всё остальное творчество А. Ганивета, отношение которого к Испании и ее роли в мировой истории отличается чрезвычайной серьезностью, свидетельствует об обратном.

Посвященная писателю-дипломату академическая литература, если не считать статью Хосе Бернарда Сан-Хуана про сотрудничество писателя в его последние годы с общественно-политическим журналом *Vida Nueva* (Новая жизнь)¹⁸, концентрируется в основном на разнообразных влияниях, обнаруженных в его произведениях. Ключевой вопрос, интересующий исследователей, — в каком соотношении в его творчестве присутствуют модернизм и архаика. Можно ли согласиться с утверждением Рамона Планеса о том, что «Ганивет был совершенно асоциальным человеком, который ничему не придавал значения и не интересовался никакими внешними вопросами. Это был человек с необычайным внутренним миром»¹⁹. Литературовед из вальядолидского университета Рикардо де Ла Фуэнте Баллестерос дает своему персонажу броскую характеристику — «несвоевременный философ», который «наряду со многими писателями конца века восстал против позитивизма, материализма и эволюционной теории. Его критика этих концепций метила в их пренебрежение гуманитарным знанием и самоустранением от вопросов духовного порядка»²⁰. Развивая идею Николаса Марии Лопеса — одного из первых издателей трудов писателя-дипломата²¹, Баллестерос целенаправленно настаивает на параллели Ганивета с Шопенгауэром, место которого он отдает ему в истории испанской философии и общественной мысли. Он довольно категорично утверждает, что «присутствие Шопенгауэра в Ганивете — очевидность»²². Двух живших в разное время авторов объединяет, по мысли исследователя, представление о том, что «человека подчиняют и порабащают страсти, привязывают его

к материальным запросам, эти страсти невозможно утолить, и человек руководим страстью командовать и обладать, ведом амбициями и желанием удовлетворить естественные потребности»²³. И оба, в особенности Ганивет, считают главным средством познания боль, ибо «она проникает внутрь кокона души индивида, показывая ему истинную сторону сущности, ту, что несет в себе смысл наперекор многочисленным сторонам феномена... боль должна стать одним из фундаментальных элементов познания»²⁴. Рикардо Гуйон, напротив, видит в «аутентичном преклонении перед народом» писателя-дипломата проявление архаической реакции на модернизм конца XIX в., которая не приемлет нечеткостей, размытых линий и усредненных суждений. «Он верил в то, что всё, что есть лучшего в Испании, если не сказать всё хорошее, было сделано народом... Испанию спасли невежественные, не умеющие ни читать, ни писать»²⁵. Наиболее ярким тому примером Ганивет считал восстание против Наполеона.

Толкование взглядов Ганивета с позиций геополитики представляет Бояна Тулимирович из Гранадского университета. Она акцентирует внимание на том, что главной особенностью Испании была ее «языческая, но христианизированная философия», укоренившаяся здесь благодаря тому, что в «обители если не самого совершенного, то самого логичного и самого гуманного стоицизма» учение Сенеки соединилось с Евангелием. Именно из этого слияния родилось испанское христианство, «самое сущностное и самое первоначальное», которое накладывается на особенности территории. «Территориальный дух определяет природный дух страны, ибо есть не только континенты, полуострова и острова, есть и характеры континентальные, островные и полуостровные. Именно поэтому Испания всегда представляется “плохо охраняемым домом”. Через ее порты, Пиренеи и пролив всегда могли проникнуть (и проникали) враги. Соответственно ее история — это бесконечная история вторжений и изгнаний неприятеля, это “постоянная война за независимость”, превратившаяся в один из основных столпов испанского национального характера. Именно здесь рождается испанский дух конкистадора, отличающегося от завоевателей из других стран, ибо пока все остальные совершали завоевания от избытка сил, Испания завоевывала будучи бессильной, именно для того, чтобы приобрести эти силы впоследствии». Полуостровное положение страны приводит к тому, что в каждый из периодов ее истории она не была свободна от присутствия и даже господства других стран и их культур. «Так, у нас были испано-римский, испано-вестготский, испано-арабский, испано-европейский и испано-колониальный периоды. У Испании не было возможности жить обособленно, развивать свой собственный дух, дарить ему плоть, удовлетворять природные стремления каждой нации, выявлять свою собственную сущность и образ бытия»²⁶.

Отсутствие единства мнений по поводу Ганивета констатирует Х. Ф. Аседо Кастилья. Для одних он «стойкий защитник испанской традиции. Для других — непреклонный последователь великих принципов. Для этих — просветитель, чье творчество обладает большой идейной мощью, для тех — пример

разрушительной силы колебания и сомнения»²⁷. Ганивет — идеалист, с этим не будет спорить никто из исследователей его творчества, однако его идеализм, на что обращает особое внимание Б. Тулимирович, не только «восстает против буржуазно-либеральной философии истории с ее сакрализацией прогресса и научного знания»²⁸, не только опровергает нелюбимый им позитивизм, но и отталкивается от него. «В политике любая (философская. — П. К.) система фальшива — реальность намного прекраснее и величественнее, чтобы стать добычей фантома, вышедшего из тесного мозга»²⁹, — говорит он с уверенностью, давая понять, что это не та реальность, которую можно измерить физическими приборами. Он с легкостью заимствует, не считая должным упомянуть имя автора, теорию забытого французского позитивиста Альфреда Фулье (1838–1912) об «идеях-силах», «движущих всем, что нас окружает». Оказывая посредством щедрых обещаний свое влияние на распространенные в обществе идеи и моральные нормы, они «порождают и ускоряют ту силу, которая столь необходима, чтобы осуществлять реальную власть»³⁰.

Собственно, именно эти идеи и имеют власть над обществом, которое «вскормлено идеями и верованиями, которые в нем доминируют»³¹. Это словосочетание — «идеи и верования» — которое изберет в 1940 г. Хосе Ортега-и-Гассет для названия курса лекций в университете Буэнос-Айреса, Ганивет употребил в своей первой значительной работе «Современная философская Испания», написанной еще в 1889 г.

Общество, по представлениям Анхеля Ганивета, состоит из индивидов, «которые подчиняют свое поведение системе господствующих в нем идей, поскольку невозможно жить в обществе, не подвергаясь влиянию идей, которые являются в нем господствующими»³². Они определяют всё, включая даже государственное устройство и особенности экономического развития страны. «Двигаться по направлению к своему идеалу — это стимул для всех, и потому история, традиция и реальность суть движущие силы, которые, если их правильно направить, могут чудесным образом содействовать общественному прогрессу, превращаясь в противном случае в препятствие и тяжелый груз»³³. Комплекс подобных идей он называет *“filosofía vulgar”* — «народной» или даже «вульгарной философией», той, что «лишена системы и порядка, но просто и доходчиво отвечает на естественный запрос человека знать причину и способ существования окружающего мира. Она принадлежит всем членам общества одновременно и составляет то, что можно назвать окружающей идейной средой, иными словами, идеей, которая в определенную историческую эпоху разлита по всем душам и на каждую из них ставит одну и ту же печать единства»³⁴. Можно констатировать, что в своей работе испанский мыслитель оставил описание того явления, которое в 1922 г. Люсьен Леви-Брюль назвал словом «менталитет».

«Теория всегда является фундаментом для практики»³⁵, однако господство идей имеет некоторые границы. «Если принятая за истину идея слаба и настолько лишена энергии, что не может оставить отпечатка на человеческих

действиях, когда налицо постоянное противоречие между фактом и идеей, противоречие должно быть разрешено в пользу первого». Новая, более четкая и адекватная идея рождается из истины факта, вторгающегося в человеческую жизнь³⁶. Именно от идей, которые служат общественными ориентирами, утверждает Ганивет, зависит «щедрая и благополучная жизнь социума... если он вдохновляется великими философскими принципами, превратившимися в идеалы, высота которых соответствует уровню общих запросов и устремлений». В противном случае, при «господстве низменных страстей», никакое всеобщее благоденствие невозможно³⁷. Невозможна будет и свобода, сколько бы ни гарантировалась она законами, если человек будет готов легко расстаться с ней ради удовлетворения своих «вульгарных амбиций». Поскольку, как отмечает он позже в «Финляндских письмах», «свободы мы носим внутри себя», свободным является тот народ, что образован, в то время как дикость служит синонимом рабства³⁸.

Упадок традиционной для Испании земельной аристократии автор видит не в том, что она не вписывается в современное капиталистическое производство: «Аристократия растрчивает свои силы в праздности, расцветая в крупных городах, она проводит жизнь с большим ущербом для самой себя и с редким вредом для всего общества, будучи жертвой тяжелой экономической болезни, называемой ничегонеделанием, которая и есть истинная причина кризиса сельского хозяйства»³⁹. Еще одним бастионом, охраняющим идейную целостность общества, была в прошлом церковная иерархия, обладавшая общим для всех и каждого четко определенным набором представлений об окружающем мире⁴⁰. Однако во второй половине XIX в. церковь оказалась неспособна сформулировать систему взглядов, которая была бы притягательна для людей науки, которые «оказались вынуждены двигаться в сторону философии»; в этом кроется причина успехов «шумного движения позитивистов», которое, в союзе с его крайними проявлениями — материализмом и дарвинизмом, завоевывает посредством активной пропаганды сердца немалой части интеллектуалов»⁴¹. И если в родной для себя Англии позитивизм может быть и не так плох, ибо «он помогает придать ей ее подлинный характер, отличающий ее от прочих стран», то в Испании он приводит к безразличию в вопросах веры и к апатии в образе действий и тем наносит непоправимый ущерб⁴².

Центральное положение среднего класса в буржуазном обществе конца XIX в., положение «важнейшего ядра, которое направляет производство, трансформацию и циркуляцию национального богатства и потому по праву называется жизненной силой страны», является, таким образом, результатом самоустранения из общественной жизни церкви и аристократии, порожденного ничем иным, как их идейным бессилием⁴³. Но и это важнейшее, с точки зрения Ганивета, ядро, «роль которого в жизни социума аналогична роли мозга в жизни организма», отличается чрезвычайной слабостью. Ее причина — имущественное расслоение: часть среднего класса приближается к утратившей свои

былые качества аристократии, другая часть смешивается с пролетариатом. Беда этого смешения в том, что вынужденные общаться с пролетариями обедневшие представители среднего класса заражаются идеями социализма, что в глазах мыслителя равносильно безумию. Ведь «большинство рабочего класса, пусть и невольно, закрывает глаза перед реальностью и позволяет погрузить себя в бездну отчаяния, отдаваясь поистине разрушительным кампаниям, повседневыми проявлениями которых становятся безумные митинги, забастовки и шумные демонстрации, в которых только немногие принимают участие с ответственностью, а большинство с сочувствием и одобрением, показывая тем самым, что наивысшим злом является то, что самым первым оказывается перед их глазами»⁴⁴. Обедневшие интеллектуалы становятся не только социалистами, но и авангардом социалистического движения, «а что такое социализм, как не отрицание всего и вся?» «Одни хотят истребить современную семью посредством ее полного разрушения. Многие требуют уничтожения общественного порядка и замены его анархией. И все они имеют желание полностью отменить собственность, и организовать всё это дело так, чтобы никто не мог извлечь из нее никакой прибыли»⁴⁵.

Счастливо избежавшая люмпенизации часть среднего класса тоже находится не в лучшем положении, так как успела уверовать в истинность вредоносного позитивизма, проповедующего скептическое отношение к идее как таковой и насаждающего материалистические воззрения. Например, поверхностный исторический материализм «заставляет забыть, что гигантский прогресс, ознаменованный отменой рабства, был результатом не восстания Спартака, но проповеди великой идеи (Евангелия. — П. К.)»⁴⁶. Позитивизм Ганивет считает большим шагом назад, едва ли не во времена Френсиса Бэкона: увлекшиеся позитивизмом испанские интеллектуалы «приняли метод начального наблюдения в качестве метода познания... они извратили его терминологический аппарат, который не приспособлен для того, чтобы стать полноценной философией морали и науки, направляя прикладную научную мысль»⁴⁷.

Закономерный итог распространения позитивизма — отсутствие четкого идейного эталона, вследствие чего каждый отдельный индивид или социальная группа действует, как считает для себя нужным и полезным. «Под воздействием этого разрушительного принципа, повинясь разнообразным частным импульсам, одни хотят всё разрушить ради перемен, другие — изменить, чтобы улучшить, третьи — сопротивляться любым новшествам, полагая любые новшества погибельными»⁴⁸. Непрерывающееся противоборство в идейной сфере захватывает и политику. «Только скептицизмом объясняется ежедневная непоследовательность, постоянные колебания общественного мнения, вечные раздоры. Под всеми этими фактами мы можем обнаружить отсутствие солидного нормативно-философского образования»⁴⁹. Не оказываются в стороне от вредного влияния и государственные институты, «внутри которых возникает порочный круг невозможности определить, где начинается и заканчивается

их разложение, и вызревают новые болезни, для изучения коих вполне можно было бы создать новую важнейшую науку — “социальную патологию”»⁵⁰.

Мода на позитивизм тем более губительна, что она, настаивает А. Ганивет, приводит к разрыву между «народной философией» и философией университетской. Последствия разрыва должны оцениваться в контексте его классификации идей, разделенных им на два вида — «острые» и «круглые». Острые идеи, созданные систематическими философскими школами, порождают новые «агрессивные фракции» — группы интеллектуалов, четко конституированные относительно друг друга. Вместо того чтобы нести в этот мир добро, они творят зло, потому что поддерживают дух познания в состоянии замкнутой на себя напряженности, находясь в состоянии яростной полемики со своими коллегами, которых они склонны воспринимать как непримиримых соперников и даже врагов. «Круглые идеи», напротив, внушают своим адептам стремление к любви и миру. Именно такие идеи, указывает Бояна Тулимирович, Ганивет считал способными «восстановить истинный дух Испании». Благодаря присутствию в головах соотечественников подобных идей он и не потерял веру в будущее своей страны⁵¹. Впрочем, не современность внушает автору оптимизм. В ней под влиянием позитивистски настроенных интеллектуалов «народная философия» всё более и более утрачивает свои христианские основания, проникаясь материализмом и скепсисом⁵². Наиболее опасным представлялся мыслителю именно последний, поскольку его дальнейшее распространение грозило извратить основы испанского общества, в то время как он уже стал причиной упадка в этой стране науки и образования. «В Испании за достойными почестей исключениями отсутствует любовь и страсть к научному знанию, — сокрушается Ганивет, — потому что наука подразумевает многочисленные жертвы без надежды на достойную их компенсацию, а всеобщий скепсис душист любые инициативы, которые не обещают мгновенный и осязаемый успех. Нет ничего странного, что всё внимание уделяется перипетиям повседневной жизни общества, а все прочие вопросы, которые, казалось бы, по самой своей сути непосредственно касаются всех и каждого, погружаются в полное забвение. В этом причина кризиса»⁵³. Распространение «вульгарного скептицизма» — настоящая беда, поскольку он приводит к тому, что практической нормой поведения становится полное безразличие к проявлениям добра и зла⁵⁴.

В доказательство своих слов писатель-консул приводит свое понимание Французской революции. В его глазах она выглядит «великим общественным возмущением» — результатом победы «острых идей» разделения над «круглыми идеями» миролюбия. Взятие Бастилии и последовавшие за ним события вызваны «вторжением критической или рационалистской философии, противостоящей ортодоксальному христианству, и стремящейся заменить традиционную монархию новой политической системой, суть которой не подлежала никакому обсуждению». Ужас Французской революции в том, настаивает Ганивет, что она «не ограничилась уничтожением одних институтов власти и заменой их

на какие-то другие, но разрушила глубинные пласты христианской веры, на которых было возведено огромное здание и так называемого “Средневековья”, и современных народов. Впрочем, поскольку она не могла заменить эти пласты чем-то новым, она воздвигла свои институты на воздухе, и именно потому они характеризуются редкостной неустойчивостью»⁵⁵. Революционное правительство неизбежно представляет собой «внешнюю силу, не обладающую чувством собственного достоинства, необходимую, чтобы решать социальные проблемы, но видящую свою главную задачу в том, чтобы рушить и подавлять». Поначалу революция подавляет своих непосредственных противников, однако скоро переходит к подавлению ею же разбуженных новых идей, которые она считает уже вредоносными, однако, «поскольку она противопоставляет их силе только свою собственную силу, она не способна сдержать их продвижение, тем более что став объектом подавления, эти идеи выглядят еще более соблазнительными, завоевывая всё большее число защитников и адептов»⁵⁶. В «Финляндских письмах» он вернется к теме критики революций, «большинство которых порождаются амбициями и суетными стремлениями людей, несогласных с естественным ходом вещей... Они спешат возглавить его течение, чтобы снискать себе славу спасителей человечества»⁵⁷.

Поскольку причина революций находится в области идей, то и вина за популярность революционных настроений лежит на философии, которая замкнулась в себе, перестала размышлять о волнующих всех проблемах, что идет во вред всему обществу⁵⁸, тем более что систему преподавания самой важной для общественного блага науки, без которой «общество лишено необходимых верований и направляется волей случая», Ганивет считает крайне неудачной⁵⁹. Именно поэтому он планирует опубликовать воззвание к испанской молодежи с названием “*Hermanidad de trabajadores espirituales*” (Братство духовных работников), в котором он намерен воззвать ко всем, кому небезразлично будущее Испании⁶⁰. 11 декабря 1898 г. в газете *Vida Nueva* была опубликована статья, которую Энрике Меркадер посвятил памяти Анхеля Ганивета. Среди прочего в ней есть такие слова: «Есть только одна настоящая революция — та, которую одинокий человек производит в душах других людей»⁶¹. Средством этой революции, несмотря на весь пессимизм в отношении текущего момента, должно было стать реформированное преподавание философии, благодаря которому новое поколение получит знания для того, чтобы поставить диагноз и назначить лечение, и приобретет силу, чтобы воплотить это лечение в жизнь⁶². Мемориальная статья фактически дословно, хотя и без упоминания автора, цитирует четвертое письмо Ганивета из Хельсинки. «Настоящий революционер, — утверждает автор, — не является человеком действия. Он несет в себе более благородные и справедливые идеи, чем есть у других. Он сеет их в глубине общества, чтобы они проросли и приносили плод. И если приходит время их защищать, он делает это, не творя насилия, но жертвуя собой»⁶³.

Источником осторожного оптимизма являлось для писателя-дипломата то, что основой пресловутой «народной философии» он полагал «естественный и человечный стоицизм Сенеки», как на то указывала Бояна Тулимирович. Он покоился на «чувстве самодостаточности, достигаемом посредством жизни в согласии с собственной природой, презрении к боли и незаинтересованности в наживе». Ганивет настаивал на том, что Сенека, как указывает исследователь, «являлся испанцем не по воле случая, он был им по всей своей сущности. Сенека и его творчество были зеркалом для национальной идентичности и глубинной философии испанского народа, и в это зеркало смотрелись очень многие, когда занимались поисками своего собственного “я”»⁶⁴. Неопределенность взглядов Анхеля Ганивета была заметна всем без исключения его исследователям. Хосе Франсиско Аседо Кастилья называет эту неопределенность «политической загадкой» писателя-дипломата, который, с одной стороны, не верит в социализм, демократию и всеобщее избирательное право, «поскольку истина открывается не решением многих людей, но усилием познания»⁶⁵, а с другой, называет опасным соблазном диктатуру. Последняя пользуется для своего собственного обогащения ресурсами страны и народа, которые после ее неизбежного краха вновь окажутся в нищете⁶⁶. Считать его консерватором-традиционалистом мешает его откровенное признание в неверии в Бога, потому автор предпочитает называть его «примером пылающей любви к Испании, любви одновременно радостной и болезненной от осознания достоинств и пороков этой страны, а также веры в ее будущее и в ее идейную мощь, на которой и основывается его оптимизм в отношении этого будущего»⁶⁷. И уж совсем не позволяет причислить писателя-дипломата к числу консерваторов его отношение к проблемам испанских университетов, которые он призывает «открыть двери внешнему миру» и «самим зарабатывать для себя деньги»⁶⁸, не оглядываясь на парламент и правительство, полномочия которых в области высшего образования он категорически оспаривает⁶⁹, давая фору многим признанным либералам. Потому, соглашаясь с Марией де Альда Хейккиля в том, что «творчество Ганивета вошло в себя все тревоги своего века», едва ли можно признать ее правоту, когда она называет его «трезвым наблюдателем эпохи»⁷⁰.

Произведения Анхеля Ганивета, несомненно, изобилуют риторическими формулировками критического характера, вызванными его личным разочарованием в политической системе так называемых «партийных качелей» Сагасты и Кановаса дель Кастильо, утвердившейся после падения Первой Республики и реставрации Бурбонов 1874 г. Поочередная смена умеренно-либеральных и умеренно-консервативных правительств способствовала деградации принципа всеобщего избирательного права на фоне упадка роли Испании на международной арене, кульминацией которого стало поражение в войне с США в 1898 г. при почти полном безразличии со стороны прочих держав. Всё это превратилось для впечатлительного писателя-дипломата в личную трагедию — одну из причин его самоубийства. В его творчестве

можно увидеть и пример неспособности испанской общественной мысли совершить переход от резкой критики положения дел в стране к выработке реальных, не сводимых к реформе преподавания философии в школе и вузе мер по его исправлению. Не ограничиваясь воспоминанием о трагическом событии, можно увидеть в концепции Ганивета как минимум одно определенно достойное внимания положение. Будучи одним из предшественников «истории ментальностей», укоренившейся во Франции благодаря деятельности Марка Блока, Люсьена Февра и их учеников, он, пожалуй, одним из первых обратил внимание на то, насколько важным элементом общественной жизни является не реальность, а ее образ, запечатлевшийся в том, что он называл «народной, или вульгарной философией», и каким созидательным или, наоборот, разрушительным потенциалом обладает целенаправленное воздействие на этот образ. Его правоту, скрытую под оболочкой экстравагантного идеализма, во многом продемонстрировал наступающий XX в.

- ¹ *Domínguez Rodiño E.* Las primeras llamas. Diario de un testigo-cronista de la guerra. Madrid: Ed. Renacimiento, 1917.
- ² *Pozo Felguera G.* El periodista que encontró la momia de Ángel Ganivet perdida en un cementerio. URL: <http://www.elindependentedegranada.es/cultura/periodista-que-encontro-momia-angel-ganivet-perdida-cementerio> (дата обращения 03.12.2019).
- ³ *Domínguez Rodiño E.* En los umbrales de Rusia. Por los Balkanes del Báltico. La tragedia de Ganivet // *El Imparcial*. 1921. 14 de enero. URL: <http://hemerotecadigital.bne.es/issue.vm?id=0000437652&search=&lang=es> (дата обращения 03.12.2019).
- ⁴ *Domínguez Rodiño E.* En los umbrales de Rusia.
- ⁵ *Ibid.*
- ⁶ *Acedo Castilla J. F.* El enigma político de Ángel Ganivet // *Minervae Baeticae*. 1994. Vol. 22. P. 87.
- ⁷ Перевод «Финляндских писем» на финский язык увидел свет только в 1964 г., через 60 лет после первого испанского издания. *Ganivet Á.* *Suomalaiskirjeitä / Suom.* K. Hirvonen. Helsinki: WSOY, 1964. Книга была переиздана в 2017 г. в рамках программы празднования 100-летия независимости Финляндии. См.: *Ganivet Á.* *Cartas finlandesas.* Edición conmemorativa con ocasión del centenario de la independencia de Finlandia. Helsinki: Edición AECID, Agencia Española de Cooperación Internacional para el Desarrollo, 2017.
- ⁸ *Ганивет А.* Испания и Россия: новые торговые горизонты / Пер. с исп. К. С. Корконосенко // *Дипломаты-писатели, писатели-дипломаты* / Сост. В. Е. Багно. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, 2001. С. 217–223.
- ⁹ *Петрова А. А.* Взгляды испанских дипломатов второй половины XIX в. на развитие экономических отношений с Россией // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. История и современность. 2011. № 1 (18). С. 65.
- ¹⁰ *Корконосенко К. С.* Анхель Ганивет, «посланник испанской культуры» // *Дипломаты-писатели, писатели-дипломаты*. С. 214.
- ¹¹ *Саплин А. И.* Анхель Ганивет: консул, писатель, мыслитель (1865–1898) // *Проблемы испанской истории*. М.: Наука, 1992. С. 45–57.
- ¹² Там же. С. 57. Из письма Мигеля де Унамуно уругвайскому писателю Альберто Нин-и-Франсу.
- ¹³ *Olmedo Moreno M.* El pensamiento de Ganivet. Madrid: Revista de Occidente, 1965. P. 127.

- ¹⁴ *Canlin A. I.* Анхель Ганивет. С. 52–55.
- ¹⁵ *Chalon L.* Juan Valera y Ángel Ganivet, diplomáticos en Bélgica // Actas del X Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas: Barcelona, 21–26 de agosto de 1989. Barcelona: Promociones y Publicaciones Universitarias, 1992. P. 1236. Автор цитирует одно из ярких критических высказываний Ганивета по поводу бельгийской политики в Африке «Речь вовсе не идет здесь о счастье для чернокожей расы, о прогрессе или каком-то стиле, всё это делается ради большой торговли, в которую добрый король Леопольд вложил несколько добрых миллионов...»
- ¹⁶ *Sobejano G.* Ganivet o la soberbia // Cuadernos Hispanoamericanos. 1958. № 104, Agosto. P. 133–151. P. 135.
- ¹⁷ *García Lorca F.* Ángel Ganivet. Su idea del hombre. Buenos Aires, 1952. P. 26–29.
- ¹⁸ *San Juan J. B.* Ángel Ganivet y la revista Vida Nueva (1898–1900). URL: <http://hdl.handle.net/10201/42963> (дата обращения 03.12.2019). Автор статьи констатирует, что статьи Ганивета полностью соответствовали профилю журнала, который «на фоне прессы тех лет принадлежал к числу так называемых “новых изданий” регенерационистского характера, одухотворяемых радикальными кругами молодых испанских элит. Они претендовали на то, что в их публикациях могут предложить политические и культурные противоядия против национального кризиса».
- ¹⁹ *Planes R.* El modernisme a Sitges. Barcelona: Selecta, 1969. P. 128. Цит. по: *Fernández Sánchez-Alarcos R.* Las ruinas de Granada (ensueño), un relato insólito de Ángel Ganivet // Espejismos de la realidad. Percepciones de lo insólito en la literatura española (siglos XIX–XXI) / Eds. Natalia Álvarez Méndez, Ana Abello Verano. León: Universidad de León, 2015. P. 109.
- ²⁰ *De la Fuente Ballesteros R.* Ganivet y Schopenhauer: pensadores intempestivos // Anales de Literatura Española. 1996. N 12. P. 92. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/anales-de-literatura-espanola--5/html/p0000004.htm#I_6_ (дата обращения 03.12.2019).
- ²¹ *Ganivet Á.* Cartas finlandesas / Ed. por N. María López. Madrid, 1905. P. 28.
- ²² *De la Fuente Ballesteros R.* Ganivet y Schopenhauer. P. 99.
- ²³ *Ibid.* P. 96.
- ²⁴ *Ibid.* P. 98.
- ²⁵ «El populatismo es auténtico». См.: *Gullón R.* El misterio Ganivet // Ínsula: Revista Bibliográfica de Ciencias y Letras. 1953. Año 8. N 86 (15 febrero). P. 1–12. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/el-misterio-ganivet-0/html/00b95c2e-82b2-11df-acc7-002185ce6064_2.html#I_0_ (дата обращения 03.12.2019).
- ²⁶ *Tulimirovic B.* Ángel Ganivet y el Idearium español: La cosmovisión espiritual de la España del fin del siglo // Universität zu Köln, Arbeitskreis Spanien-Portugal-Lateinamerika. 2015. N 13. S. 276–286. См.: URL: http://lateinamerika.phil-fak.uni-koeln.de/fileadmin/sites/aspla/bilder/ip_2013/Bojana_Tuli_Ganivet_TRABAJO_FINAL.pdf (дата обращения 03.12.2019).
- ²⁷ *Acedo Castilla J. F.* El enigma político de Ángel Ganivet. P. 92–93.
- ²⁸ *Fernández Sánchez-Alarcos R.* Las ruinas de Granada (ensueño), un relato insólito de Ángel Ganivet. P. 115.
- ²⁹ *Ganivet Á.* Cartas finlandesas. 1905. P. 87.
- ³⁰ *Tulimirovic B.* Ángel Ganivet y el Idearium español.
- ³¹ *Ganivet Á.* Obras completas. Vol. IX. Madrid, 1930. P. 20.
- ³² *Ibid.* P. 20.
- ³³ *Ibid.* P. 28.
- ³⁴ *Ibid.* P. 9. Ганивет не отказывает себе в весьма смелых примерах, которыми он хочет проиллюстрировать свою правоту. В частности, он утверждает, что «господство идеалистической философии в Германии приводит к тому, что и все искусства в этой стране идеалистические», упоминая в качестве доказательства музыку Вагнера. См.: *Ibid.* P. 40.
- ³⁵ *Ibid.* P. 13.
- ³⁶ *Ibid.* P. 20.
- ³⁷ *Ibid.* P. 76.

- ³⁸ *Ganivet Á.* Cartas finlandesas. 1905. P. 98.
³⁹ *Ganivet Á.* Obras completas. Vol. IX. P. 19.
⁴⁰ *Ibid.* P. 23.
⁴¹ *Ibid.* P. 24.
⁴² *Ibid.* P. 18.
⁴³ *Ibid.* P. 16.
⁴⁴ *Ibid.* P. 12.
⁴⁵ *Ibid.* P. 14.
⁴⁶ *Ibid.* P. 17.
⁴⁷ *Ibid.* P. 25.
⁴⁸ *Ibid.* P. 21.
⁴⁹ *Ibid.* P. 30.
⁵⁰ *Ibid.* P. 31.
⁵¹ *Tulimirovic B.* Ángel Ganivet y el Idearium español.
⁵² *Ganivet Á.* Obras completas. Vol. IX. P. 50.
⁵³ *Ibid.* P. 48.
⁵⁴ *Ibid.* P. 53.
⁵⁵ *Ibid.* P. 74.
⁵⁶ *Ibid.* P. 81.
⁵⁷ *Ganivet Á.* Cartas finlandesas. 1905. P. 99.
⁵⁸ *Ganivet Á.* Obras completas. Vol. IX. P. 79.
⁵⁹ *Ibid.* P. 84.
⁶⁰ *San Juan J. B.* Ángel Ganivet y la revista Vida Nueva.
⁶¹ *Ibid.*
⁶² *Ganivet Á.* Obras completas. Vol. IX. P. 97.
⁶³ *Ganivet Á.* Cartas finlandesas. 1905. P. 99.
⁶⁴ *Tulimirovic B.* Ángel Ganivet y el Idearium español.
⁶⁵ *Ganivet Á.* Cartas finlandesas. 1905. P. 102.
⁶⁶ *Acedo Castilla J. F.* El enigma político de Ángel Ganivet. P. 90–91.
⁶⁷ *Ibid.* P. 95.
⁶⁸ *Ganivet Á.* Cartas finlandesas. 1905. P. 209–210.
⁶⁹ *Ibid.* P. 208.
⁷⁰ *Heikkilä A., Díaz M. C. de.* Entre el abedul y el granado: Las Cartas finlandesas de Ángel Ganivet // *Ganivet Á.* Cartas finlandesas. Edición conmemorativa con ocasión del centenario de la independencia de Finlandia. Helsinki: Edición AECID, Agencia Española de Cooperación Internacional para el Desarrollo, 2017. P. 36.

References

- ACEDO CASTILLA J. F. El enigma político de Ángel Ganivet [The political enigma of Ángel Ganivet] // *Minervae Baeticae*. 1994. Vol. 22. P. 81–95.
- ALDA HEIKKILÄ MARÍA CARMEN DÍAZ de. Entre el abedul y el granado: Las Cartas finlandesas de Ángel Ganivet [Between the birch and the pomegranate: The Finnish Letters of Ángel Ganivet] // *Ganivet Á.* Cartas finlandesas. Edición conmemorativa con ocasión del centenario de la independencia de Finlandia. Helsinki: Edición AECID, Agencia Española de Cooperación Internacional para el Desarrollo, 2017. P. 30–55.
- CHALON LOUIS. Juan Valera y Ángel Ganivet, diplomáticos en Bélgica [Juan Valera and Ángel Ganivet, diplomats in Belgium] // *Actas del X Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas*: Barcelona, 21–26 de agosto de 1989. Barcelona: Promociones y Publicaciones Universitarias, 1992. P. 1229–1236.
- DOMÍNGUEZ RODIÑO ENRIQUE. En los umbrales de Rusia. Por los Balkánes del Báltico. La tumba de Ganivet // *El Imparcial*. 1921. 14, 21, 23 de enero. [On the thresholds of Russia. For the Balkans of the

Baltic. Ganivet's Tomb // *The Impartial*. 1921. January 14, 21, 23]. URL: <http://hemerotecadigital.bne.es/issue.vm?id=0000438228&search=&lang=es> (date of access 03.12.2019).

FERNÁNDEZ SÁNCHEZ-ALARCOS RAÚL. Las ruinas de Granada (ensueño), un relato insólito de Ángel Ganivet [The ruins of Granada (reverie), an unusual story by Ángel Ganivet] // *Espejismos de la realidad. Percepciones de lo insólito en la literatura española (siglos XIX–XXI)* / Natalia Álvarez Méndez, Ana Abello Verano (eds.). León: Universidad de León, 2015. P. 109–116.

FUENTE BALLESTEROS RICARDO de la. Ganivet y Schopenhauer: pensadores intempestivos [Ganivet and Schopenhauer: untimely thinkers] // *Anales de Literatura Española*. 1996. N 12. Alicante: Universidad, Departamento de Literatura Española, 1996. P. 89–100. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/anales-de-literatura-espanola-5/html/p0000004.htm#i_6_ (date of access 03.12.2019).

GANIVET A. Ispaniya i Rossiya: novye torgovye gorizonty / Per. s isp. K.S. Korkonosenko [Spain and Russia: new trade horizons] // *Diplomaty-pisateli; pisateli-diplomaty* / Sost. V.E. Bagno. St. Petersburg: Obshchestvennoye obyedineniye Soyuz Pisateley Sankt-Peterburga, 2001. S. 217–223.

GANIVET ÁNGEL. Cartas finlandesas [The Letters from Finland] / Ed. por N. María López. Madrid, 1905.

GANIVET ÁNGEL. Cartas finlandesas. Edición conmemorativa con ocasión del centenario de la independencia de Finlandia. [Finnish letters. Commemorative edition on the occasion of the centenary of the independence of Finland]. Helsinki: Edición AECID, Agencia Española de Cooperación Internacional para el Desarrollo, 2017.

GANIVET ÁNGEL. Obras completas [Complete works]. Vol. I–IX. Madrid, 1930.

GANIVET ÁNGEL. Suomalaikirjeitä / Suom. Kaarle Hirvonen. [The Letters from Finland / Transl. in Finnish Kaarle Hirvonen]. Helsinki: WSOY, 1964.

GARCÍA LORCA FRANCISCO. Ángel Ganivet. Su idea del hombre. [Ganivet Angel. His idea of human]. Buenos Aires, 1952.

GULLÓN RICARDO. El misterio Ganivet [The Ganivet Mystery] // *Ínsula: Revista Bibliográfica de Ciencias y Letras*. 1953. Año 8. N 86 (15 febrero). P. 1–12. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/el-misterio-ganivet-0/html/00b95c2e-82b2-11df-acc7-002185ce6064_2.html (date of access 03.12.2019).

KORKONOSENKO K.S. Ankhel Ganivet, “poslannik ispanyokoy kultury” [Angel Ganivet, “the ambassador of Spanish culture”] // *Diplomaty-pisateli; pisateli-diplomaty*. St. Petersburg: Obshchestvennoye obyedineniye Soyuz Pisateley Sankt-Peterburga, 2001. S. 206–216.

OLMEDO MORENO MIGUEL. El pensamiento de Ganivet. [Ganivet's thought]. Madrid: Revista de Occidente, 1965.

PETROVA A. A. Vzglyady ispanykikh diplomatov vtoroy poloviny XIX v. na razvitiye ekonomicheskikh otnosheny s Rossiyey [The views of Spanish diplomats of the second half of the 19th century on the development of economic relations with Russia] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana)*. Istoriya i sovremennost. 2011. N 1 (18). S. 61–65.

POZO FELGUERA GABRIEL. El periodista que encontró la momia de Ángel Ganivet perdida en un cementerio [The journalist who found Angel Ganivet's mummy lost in a cemetery]. URL: <http://www.elindependientedegradada.es/cultura/periodista-que-encontro-momia-angel-ganivet-perdida-cementerio> (date of access 03.12.2019).

SAN JUAN JOSÉ BERNARDO. Ángel Ganivet y la revista *Vida Nueva* (1898–1900) [Angel Ganivet and the *Vida Nueva* magazine (1898–1900)]. URL: <http://hdl.handle.net/10201/42963>. (date of access 02.11.2019)

SAPLIN A.I. Ankhel Ganivet: konsul, pisatel, myslitel (1865–1898) [Angel Ganivet: consul, writer, thinker. (1865–1898)] // *Problemy ispanykoy istorii*. Moscow: Nauka, 1992. S. 45–57.

SOBEJANO GONZALO. Ganivet o la soberbia [Ganivet or pride] // *Cuadernos Hispanoamericanos*. 1958. N 104, Agosto. P. 133–151.

TULIMIROVIC BOJANA. Ángel Ganivet y el Idearium español: La cosmovisión espiritual de la España del fin del siglo [Ángel Ganivet and the Spanish Idearium: The spiritual worldview of Spain at the end of the century] // *Universität zu Köln, Arbeitskreis Spanien-Portugal-Lateinamerika*. 2015. 13. S. 276–286. URL: http://lateinamerika.phil-fak.uni-oeln.de/fileadmin/sites/aspla/bilder/ip_2013/Bojana_Tuli_Ganivet_TRABAJO_FINAL.pdf (date of access 03.12.2019).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. В. Крылов. Кризис конца XIX в. и концепция истории «массовых идей» в творчестве Анхеля Ганивета // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 86–101

Аннотация: Статья посвящена взглядам испанского общественно-политического мыслителя и дипломата Анхеля Ганивета (1865–1898), занимавшего пост консула в Антверпене, Гельсингфорсе и Риге, на процесс исторического развития, сформировавшийся в условиях кризиса и окончательного распада колониальной империи. Критикуя позитивистскую философию истории, Ганивет делает попытку возвращения к идеализму, дополняя его вводимым им понятием «народная (или вульгарная) философия — *la filosofia vulgar*», определение которой близко к тому, что в 1920-х гг. получит название «менталитет». На исторических примерах Франции, Испании и Великого княжества Финляндского он доказывает влияние массовых мировоззренческих установок на историю того или иного общества. Таким образом, А. Ганивета можно считать одним из провозвестников популярной в XX в. «истории ментальностей», развитие которой историография связывает с так называемой «школой Анналов».

Ключевые слова: общественная мысль, Испания, консерватизм, идеализм, философия истории, менталитет.

FOR CITATION

The crisis of the end of 19th century and the conception of the “history of mass ideas” in the Angel Ganivet works // Petersburg historical journal, no. 1, 2020, pp. 86–101

Abstract: The article is dedicated to the philosophy of history of Angel Ganivet (1865–1898), a Spanish diplomat and political thinker of the period of final crisis of Spanish colonial empire before the Spanish-US war of 1898. In his critics of positivist and materialist approaches to the national and world history A. Ganivet turns towards idealistic conception making an important addition — the term of “vulgar philosophy — *la filosofia vulgar*” which meaning is close to the notion of “mentality” in the 1920s. Through the examples of France, Spain and the Grand Duchy of Finland, where Ganivet was at the diplomatic office, he demonstrates the influence of the mentality of the masses to the social and political history. Angel Ganivet can be nominated as one of the precursors of the famous “mental history” of 20th developed by the French “School of Annales”.

Key words: Social thought, Spain, conservatism, idealism, philosophy of history, mentality.

Автор: Крылов, Павел Валентинович — к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: Krylov, Pavel Valentinovich — PhD., senior researcher at the St. Petersburg Institute of history of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: pavel_kryloff@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5936-1551>